

УДК 321

КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: ОБЗОР ПОДХОДОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Михалев Алексей Викторович,

Бурятский государственный университет,
кафедра государственного и муниципального управления,
кандидат исторических наук, доцент,
Улан-Удэ, Россия,
E-mail: mihalew80@mail.ru

Аннотация

В основу аналитической модели исследования легла концепция «мягкого влияния». Центральные вопросы, которыми задается автор этой статьи: «Каковы причины мягкого влияния?» и «Что является его основой?». Основной тезис этой статьи состоит в том, что использование мягкой силы – это игра с нулевой суммой.

Ключевые понятия:

мягкая сила, умная сила, влияние, идеология, образы.

Мягкая сила является продуктом довольно запутанной концепции. Дж. Най не дал ей простого определения¹. Вместо этого он дает множество дефиниций:

- 1) как способность формировать предпочтения других;
- 2) как способность привлекать, и эта привлекательность часто происходит с молчаливого согласия;
- 3) как способность заставить других хотеть того же результата, что хотите и вы из-за обращения в вашу культуру и идеологию;
- 4) как способность стран получать желаемые результаты в мировой политике, потому что другие страны наблюдают их достижения, подражают их примеру, стремятся к уровню процветания и открытости, желая достичь его;

¹ Концепция мягкой силы была задумана им как поправка к американской внешней политике, которая стала слишком заиклена на американском военном превосходстве в посткоммунистическом мире, где США являются единственной реальной сверхдержавой (в формате «жесткой силы»).

5) как ключевой элемент управления, как способность притягивать (заставить) других хотеть того, чего хотите вы, формировать запросы, устанавливающие повестку дня.

Хотя Дж. Най ввел термин в 1990 году, концепция мягкой силы берет свое начало в работах Х. Моргентхау, К. Кнорр и Р. Клайн. Например, Моргентхау выделяет девять элементов национальной мощи, среди которых национальный характер, национальное самосознание, качество дипломатии и качество правительства, тесно связанные с нематериальными источниками власти, то есть с мягкой силой. Аналогично Карр пишет, что власть над мнениями имеет не менее важное значение для политических целей, чем военная и экономическая мощь, хотя и коррелируется с ними. Согласно Равену и Френчу, существует пять основ власти: награды, принуждение, законы, референты и эксперты. Мягкая сила является своего рода референтом власти, которая основана на притягательности, и определяет влияние в отношении других держав. Доводы в подтверждение концепции мягкой силы можно проследить в философии на протяжении более чем двух тысяч лет. В древнем Китае мягкая сила воспринимается сильнее и мощнее, чем жесткая власть, особенно наглядно они представлены в книге Сунь Цзы. Так, например, Б. Маттерн считает, что вряд ли Най был первым, кто раскрыл сущность власти вне контекста угроз или обещаний. Такие мыслители, как Фуко, Бурдьё, Грамши и другие придавали схожие значение власти, однако так и не сформулировали понятие «мягкой силы» [6, с. 3]. Понимание этого феномена тесно связано с пониманием власти, предложенным перечисленными авторами, однако прямой корреляции между ними нет. Концепция Дж. Най является оригинальной теорией, вокруг которой ведутся дискуссии по сей день уже в силу того, что она раскрывает новые грани понимания власти, являющейся ключевой категорией в политической науке.

Мягкая сила – это инструмент, благодаря которому достигаются стратегические задачи Новой Большой игры. Она базируется на трех основных ресурсах: ее культуре, ее политических ценностях и внешней политике (когда она рассматривается как легитимная, имеющая моральный авторитет). Как указывает Дж. Най в своей статье «Подумайте еще раз: мягкая сила», термин «растягивается» и становится все более «раскрученным». Популярное понимание этой концепции существует как в более узком смысле, так и в более широком смысле. В более узком смысле мягкая сила похожа на культурное влияние. Яркими сторонниками данной трактовки принято считать британского историка Найла Фергюсона и немецкого публициста Йозефа Йоффе². Большинство научных школ о мягкой силе в Китае разделяют понимание этого концепта в узком смысле. В более широком смысле мягкая сила является синонимом невоенной силы и включает в себя и культурную силу, и экономическую мощь. В то время как эти популярные понимания порождают недоразумения, возникает вопрос о том, почему они пользуются популярностью и столь устойчивы. Следует отметить, что концепция была неправильно понята не только широкой публикой, но и экспертами по исследованию международной политики. Сущность этого непонимания кроется в смешении категорий «мягкая сила» и «ресурсы для мягкой силы». Во многом эти проблемы связаны со слабой разработанностью аналитического инструментария данной концепции.

2 При этом оба являются критиками концепции мягкой силы.

Теория Дж. Ная имеет большое количество критиков. Так, например, Стивен Льюкс (автор работы «Власть: радикальный взгляд») называет подход Ная «агенто-центрированным стратегическим» взглядом на власть и критикует его как «тупой инструмент». Автор отмечает, что Наю не удалось сделать различия между различными способами, при которых мягкая сила может кооптировать, привлечь и побудить тех, кто подвергается ее воздействию, и между различными способами, в которых она может вызвать лишь их молчаливое согласие. Он не проводит различия между режимами убеждения и способами формирования предпочтений [6, с. 17]. Данная дискуссия свидетельствует о том, что две современные теории «власти-силы» соперничают за право быть эффективными инструментами политического анализа. Споры вокруг понятия мягкая сила и его нелиберального содержания занимают важное место в современной политической науке. Вопрос о том, возможна ли власть (сила), не опирающаяся на принуждение, насилие или манипуляцию, по сей день остается открытым.

На уровне теории мягкая сила рассматривается, в том числе, и как способность создавать искаженную картину мира, вынуждая актора, на которого оказывается данное воздействие, принимать политические решения, выгодные тому, кто применил в его отношении не мягкую силу. По мнению Дж. Галларотти подобное понимание мягкой силы близко к концепции А. Грамши о гегемонии и теории третьего лица власти С. Льюкса. Все это формирует еще одно, зачастую критикуемое, основание мягкой силы – ложное сознание. Использование данной категории предполагает, что ложное сознание неявно формируется одной господствующей нацией у другой подчиненной. В идеале либеральной теории предполагается, что мягкая сила дает выбор идеологии и образов тому, на кого она направлена. Последние должны лишь выбрать самого комплементарного союзника и самую приемлемую идеологию. Однако практика показывает, что это невозможно, поскольку принятие подобных решений бывает либо авторитарным, либо опирается на заблуждение. В итоге, мягкая сила перестает быть либеральным инструментом воздействия уже потому, что в ней изначально присутствует конфликт интересов и элемент манипуляции.

В данной ситуации также важно развести термины силы (власти) и доминирования. Первое предполагает собой некий консенсус и взаимную выгоду, пусть и основанную временами на неравноправном обмене. Доминирование же приходит через столкновение и конфликт интересов и предполагает подчинение одних другим. Так, Дж. Галларотти считает, что мягкая сила связана с теорией М. Фуко, в основе которой все тот же конфликт интересов. При этом, по мнению Галларотти, специфика мягкой силы зачастую заключается в умении доминантной нации выдавать свои интересы как интересы стран, на которые оказывается влияние [2, с. 62]. Наряду с этим, институты, реализующие данную политику, могут обладать определенной степенью автономии.

Данный автор считает: «Склонность великих или доминантных держав интенсивно вкладывать средства в создание режимов и международных организаций заставляет полагать, что такие рычаги влияния поистине важны для этих наций. То, что такие институты поддерживаются нациями, наделенными большей независимостью, побуждает считать, что они все еще служат ряду целей в интересах доминантных наций: обеспечение законности, защита репутации, ограждение от помех, с какими сопряжена односторонность, раз-

личные способы облегчения функционирования рынков. К тому же, поскольку эти институты устроены с размахом и поддерживаются могущественными нациями, они зачастую выполняют дополнительные функции в интересах самих наций. Но так как эти институты принимают более многостороннюю властную структуру (т. е. в эволюции управления действует демократический импульс), часто их функции могут отклоняться от интересов тех могущественных наций, которые их создали» [2].

Другой важной рефлексией по поводу мягкой силы является китайская школа изучения данного феномена. Начиная с 2003 года, руководство КНР в лице ЦК КПК занялось разработкой концепции, обосновывающей место Китая в современном мире. Согласно исследованию О. Борох и А. Ломанова, китайская идеология внешнего присутствия претерпела несколько трансформаций от модели «мирного возвышения» и «мирного развития» к концепции «гармоничного мира совместного процветания», предложенной лично Ху Цзиньтао [1]. Как пишет Юй Кэпин, выдвигая идею «гармоничного мира», китайское правительство исходило из того, что к такому ценностному идеалу стремится все человечество, а «мир и развитие, как две великие темы современности, являются важнейшим содержанием строительства гармоничного мира». При этом, по мере углубления экономической глобализации, интересы государств и народов будут становиться все более многоплановыми, политика – более многополярной, культура – более многообразной. Следовательно, подчеркивает китайский политолог, между странами и народами все более будут востребованы взаимная терпимость и уважение, мирное сосуществование, реализация древнекитайского идеала «единства без унификации» [1, с. 44].

Современные китайские теоретики большое внимание уделяют изучению феномена мягкой силы и его практическому применению. Сегодня можно уже говорить о том, что в мире сложилась китайская школа изучения данного феномена. Работая в крупнейших мировых центрах по изучению мировых политических процессов, китайские исследователи предлагают свои направления данного анализа, ориентированные на достаточно специфический материал Африки и Юго-Восточной Азии. Примерами тому могут быть исследования таких ученых, как Чанфенг Чен, Ёнжин Чжан, Ли Минжанг, Ю Хинтиан, Янджонг Хуан и других.

Критикуя западную теорию мягкой силы, профессор Ёнжин Чжан пишет: «Судя по стандартному рейтингу Ная, Китай вряд ли может претендовать на ресурсы мягкой силы. Нынешняя политическая система Китая отличается от Соединенных Штатов. Китай всегда имеет «ужасный рейтинг» в опросе Freedom House, даже среди наименее свободных стран в мире. Пекин открыто отвергает «западные» либерально-демократические ценности, и китайское государство часто рассматривается как лицо, нарушающее права человека в собственном доме. С трудом просматриваются политические ценности и идеологические убеждения Китая. Пекин либо проповедует, либо практикует универсальную привлекательность. В отличие от Европейского Союза, китайская политика и подходы к глобальным проблемам, начиная от изменения климата и охраны окружающей среды, заканчивая пандемией и инфекционными заболеваниями, страдают отсутствием морального авторитета» [7, с. 50].

Отмечая несправедливость данной точки зрения, китайский исследователь указывает на то, что обаяние Китая в Европе и в США в разное время колебалось

от нулевой отметки до массового увлечения китайской культурой. Он считает, что ключевым понятием мягкой силы должен стать концепт, характеризующий ее потенциал, опирающийся на историко-культурные традиции ведения дипломатии. Потенциал мягкой силы, согласно китайской академической традиции, – это некая исторически сформированная репутация страны, ориентирующая ее внешних партнеров на формирование двустороннего диалога в рамках сложившихся норм и традиций. Ёнгжина Чжана поддерживает и китайский исследователь Янг Фан: «Нельзя отрицать, что в то время как американцы наблюдают снижение своей мягкой силы, китайская мягкая сила в настоящее время на подъеме, в первую очередь в Юго-Восточной Азии, а также в Африке и Латинской Америке. Образ китайской нации в развивающихся странах, особенно в Африке, гораздо более позитивен, чем на Западе. Примером тому – «Пекинский консенсус», термин, введенный Дж. Рамо, объясняющий популярность китайской модели экономического развития, которая по мнению большинства развивающихся стран является жизнеспособной альтернативой западной модели».

Помимо этого, существует еще и дилемма оценки эффективности мягкой силы. Так, А. Вьюинг считает: «Оценивая чью-либо силу, мы замеряем количество ресурсов, которыми этот кто-то располагает. Это делает мягкую силу более конкретной и измеряемой. Однако это не единственная важная причина, почему силу часто определяют в категориях ресурсов ее обладателя. Другим аспектом этой тенденции является тот факт, что никакая власть не может осуществляться без использования определенного количества ресурсов» [6, с. 11]. Анализируя указанную ситуацию, А. Вьюинг высказывает мнение о том, что теория мягкой силы требует более подробной доработки, особенно в сфере категориального аппарата. Согласно его мнению, это позволит избежать существующей путаницы, связанной с тем, что такое мягкая сила, что является ее ресурсом, а что ее институтом.

Мягкая сила – это способность достигать желаемых результатов за счет привлечения, а не принуждения, она стала важной частью научного мышления. Основным компонентом мягкой силы является притягательность, которой в значительной степени пренебрегали в научных исследованиях. Проводившиеся исследования предлагали варианты данной политики и этические выводы о мягкой силе, распространяемые на всех на основе неявных и часто неподтвержденных предположений о том, что такое привлекательность. Как утверждает Б. Маттерн: «Привлекательность в мировой политике достигается через нефизические, но все же принудительные формы власти, которые осуществляются посредством языка. Поэтому мягкая сила не должна пониматься через сопоставление с жесткой силой, а скорее как ее продолжение другими способами». Российский исследователь К.И. Косачев считает: «Мягкая сила» далеко не всегда связана с размерами, экономической или военной мощью, идеологией государства. Можно, например, быть лидером по средней продолжительности жизни своих граждан, по уровню заработной платы и пенсий, по рейтингам ведения бизнеса, по надежности национальной валюты, по экологическим стандартам, по уровню и доступности образования, по длительности существования государства без войн и катастроф и многим другим параметрам, которые составляют авторитет и репутацию страны в глазах других народов. И здесь малые очень часто выигрывают у больших по многим показателям» [3].

С данным мнением не согласен китайский политолог Ли Минджанг: «Однако логически непонятно, почему культура, идеология и ценности должны быть источниками мягкой силы. Такой вывод, очевидно, основан на предположении, что эти источники влияния по своей природе привлекательны, убедительны и естественно вызывают симпатии. Но на самом деле это не всегда может быть так. С одной стороны, эти источники мягкой силы не всегда способствуют привлекательности, убеждению, апелляции и подражанию. Культура, идеология, ценности и нормы также часто приводят к обидам, отторжению, враждебности и даже конфликтам. С другой стороны, жесткая сила не всегда используется для принуждения, угроз, и запугивания» [5, с. 3]. Данные рассуждения ставят в эпистемологический тупик динамично развивающуюся теорию Дж. Найа. Однако именно азиатские теоретики наиболее подробно разобрали ее недостатки и предложили собственные интерпретации.

Однако анализировать сам процесс мягкого влияния практически невозможно, в этом случае гораздо эффективнее институциональный анализ. Дело в том, что институты практически всегда на виду, все остальное находится в сфере сознания и в области мотивов и побудителей к действию отдельных индивидов или политической элиты в целом. В рамках данного исследования нами анализируется институциональная составляющая мягкой силы. Институты мягкой силы – это то, посредством чего она формируется, а также то, посредством чего можно оценить потенциал мягкой силы того или иного государства. Однако относить их к потенциалу было бы не правильно, т. к. потенциал мягкой силы – это определенная система презентаций, смыслов и историко-культурного наследия. Институты же служат инструментом для трансляции данных составляющих, формируя политику мягкого влияния как некий феномен. Институты во многом устанавливают нормы понимания задач, которые предполагается достичь посредством мягкой силы. Вопрос о том, насколько широкой или, напротив, узкоспециальной будет трактовка того или иного образа, культурного кода, идеологического концепта, определяется институтами soft power.

1. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая / О. Борох, А. Ломанов // Pro et Contra. – 2007. – № 6 (39). – С. 41–60.

2. Галларотти Дж. Бремя могущества как парадокс мировой политики / Дж. Галларотти // Полис. 2011. № 3. С. 58–71.

3. Косачев К.И. «Мягкая сила» и европейское измерение российской внешней политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/bryussel-zaydel.pdf>.

4. Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж.С. Най. – М., Новосибирск: «Тренды», 2006. – 224 с.

5. Li Mingjiang Introduction: Soft power: Nurture not Nature / Li Mingjiang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 3–25.

6. Vuving A.L. How soft power works / A.L. Vuving // American Political Science Association annual meeting. Toronto. September 3. 2009. P. 1–20.

7. Yongjing Zhang The Discourse of China's soft power and its Discontents / Yongjing Zhang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 45–60.

References

1. Borox O., Lomanov A. Skromnoe obayanie Kitaya / O. Borox, A. Lomanov // Pro et Contra. – 2007. – № 6 (39). – S. 41–60.
2. Gallarotti Dzh. Bremya mogushhestva kak paradoks mirovoj politiki / Dzh. Gallarotti // Polis. 2011. № 3. S. 58–71.
3. Kosachev K.I. «Myagkaya sila» i evropejskoe izmerenie rossijskoj vneshnej politiki [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://rs.gov.ru/sites/rs.gov.ru/files/bryussel-zaydel.pdf>.
4. Naj Dzh.S. Gibkaya vlast'. Kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike / Dzh. S. Naj. – M., Novosibirsk: «Trendy», 2006. – 224 s.
5. Li Mingjiang Introduction: Soft power: Nurture not Nature / Li Mingjiang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 3–25.
6. Vuving A.L. How soft power works / A.L. Vuving // American Political Science Association annual meeting. Toronto. September 3. 2009. P. 1–20.
7. Yongjing Zhang The Discourse of China's soft power and its Discontents / Yongjing Zhang // Soft power. China's Emerging Strategy in International Politics. New York: Lexington books, 2009. P. 45–60.

UDC 321

THE CONCEPT OF “SOFT POWER”: A REVIEW OF APPROACHES IN FOREIGN SCIENCE

Mikhalev Alexey Viktorovich,

Buryat State University,
Candidate of Historical Sciences,
Ulan-Ude, Russia,
E-mail: mihalew80@mail.ru

Annotation

The model of the analysis is based on the concept “soft power”. The central questions that I will ask in this paper is, “What causes soft power?” and “How is soft power caused?” The main thesis of this article is the soft power using is the zero sum game.

Key concepts:

soft power, smart power, influence, ideology, images.
